

Владислав Юрьевич Дорофеев

Ортодокс

Владислав Юрьевич Дорофеев

Ортодокс

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181844

Аннотация

В очерке «Ортодокс», в частности, описана ситуация с началом вторжения в Дагестан со стороны Чечни и захватом заложников на Дубровке во время мюзикла «Норд-Ост», реакция обычных людей, сомнения и страхи, решительность и действие. На этих и других примерах герой пытается понять, как сочетается нравственность, вера, мораль с хаосом, беспределом, глупостью и кошмаром обыденной жизни, как сделать так, чтобы нравственность из умозрительной категории перешла в разряд обыденной жизни и отношений.

Владислав Дорофеев

Ортодокс

Зачин

Общение с Богом, молитва и обращение к Богу, совмещение личной воли с Божией волей – это все инструменты воцерковления человека.

Об этом сей текст. Но сам текст – не есть инструмент, не есть практическое руководство, научающее и способствующее приближению человека к Богу. Ибо я человек не святой, я лишь иду по пути святости, я – христианин. Это – план мысли, а не действия.

Я никогда никому и ни в чем не оппонировал, ни с кем не боролся, я лишь всегда защищал свою самость от людей, от систем, от государства. Я защищал и защищаю перед людьми свое собственное «я», свое право на самоценность, на независимость и собственное мнение, от какого бы то ни было давления, насилия и обобществления со стороны. Но не стороны Бога. Впрочем, и не от людей, когда это угодно Богу.

В этом и состоит человеческая составляющая христианина.

Как я теперь понимаю, назначение человека – его собственная душа, ее развитие и спасение, вытаскивание души из земных тенет. Все, способствующее этому, хорошо и необходимо, и наоборот.

Христианином надо быть не для себя, не для людей, а для Бога. А то ведь можно погрузиться в молитву, внешне погрузиться в Церковь, увлеченно и страстно чувствовать себя христианином, но в отношениях с миром и людьми, а паче всего Богом, – оставаться прежним человеком, злым, нетерпимым, самодовольным и эгоистичным, жадным и причинным.

Нередко создается впечатление, что прихожане храмов (особенно это касается рефлексирующих людей, то есть и меня) остаются прихожанами своего ума, своих чувств, своих страстей и своих желаний, не сообразующихся с Божией волей, а потому они не становятся прихожанами Христа, то есть не становятся новозаветными людьми, не становятся христианами.

Ибо люди (и я) приблизительно правдивы. Мелкая ложь, например, в виде хвастовства или преувеличения, вообще не считается ложью.

Еще люди варьируют правдами. Есть правда для Господа, где все свои устремления, желания и убеждения они отдают Всевышнему. А есть человеческая, обыденная, сиюминутная правда, в которой они позволяют себе опираться и рассчитывать не столько на Господа, имеющегося лишь ввиду, сколько на пресловутые человеческие законы. Как будто бы существуют какие-то законы и вообще что-то, что не имеет отношения к Богу.

Вера – это поиск дороги в неизведанное. С этой потребностью человек рождается. У меня всегда было предощущение другой жизни. Наверное, это и есть религиозное чувство, точнее, на этом предощущении неизведанного вера стоит.

Присутствие Бога в своей жизни, точнее в себе, я почувствовал давно. Однажды ночью я закрыл глаза и улетел. Я не был пьян, я не был болен. Я внутренним зрением увидел, понял, почувствовал свободу, невообразимую свободу и легкость, ясность бытия, безграничность своих возможностей и невероятную способность проникать всюду, и все мочь.

Я испугался. Точнее, это не было испугом, появилось лишь твердое ощущение, что материальные границы исчезли, исчезли материальные ограничения, и будто тело растворилось. Я даже открыл глаза, чтобы убедиться в привычности и наличии и мира, и себя в своей его материальности. Да, все как обычно. Я вновь закрываю глаза.

Мое сознание стало предельно ясным и совершенно предметным, оставаясь при этом определенным, но только теперь предмет сознания исключительно – мысль. Ни страсть или желания и ни инстинкт, а мысль, – вот единственная реальность в этом метаматериальном, ирреальном, метафизическом мире. Я не знал что делать с этой свободой от материи, я не знал как распорядиться свободой мысли, свободной мыслью, и чувством всеохватности бытия. Я уснул. Почти подавив в себе страх перед ирреальностью и метаматериальностью.

Чувство свободы от материи я тогда почувствовал впервые, – точнее было бы сказать, что впервые это состояние нахлынуло на меня, обрушилось, внезапно, без предварительных извещений и объяснений. Мне было тогда 23 года без трех месяцев. Это был 1980 год, в военных лагерях после окончания политехнического института, однажды ночью, после отбоя, в палатке, на деревянных нарах.

Сейчас не могу уверенно связать это ощущение нематериальной беспредельной свободы с приходом, дуновением Святого Духа, хочется надеяться, что это так и было. Не могу также определенно это новое качество связать с какими-то последующими событиями своей жизни. Но может быть мой последующий отрыв и уход из привычной жизни, отказ работать на заводе по распределению, начало литературной деятельности, это все обусловлено тем ночным состоянием, дуновением Святого Духа.

Ведь в тот период у меня нашлись силы, чтобы противостоять государству, системе государственного распределения и определения человека, идущего по заданному пути. Может быть это был знак? Я пересилил заданность. И в этом своем движении вопреки, предначертанному для меня со стороны общества, я императивно опирался на пережитое ночью ощущение освобождения от материи и совершенной свободы сознания. Возможно. Да.

Удивительно, я очень хорошо помню это состояния. Я ведь тогда еще не был крещен. Что, кстати, дает основание для вопроса и даже сомнения в природе этой свободы, в природе чувства этой свободы. Впрочем, именно мое противостояние заданности, движение вопреки, моя последующая поэтическая и самообразовательная работа, и привели в итоге к крещению через год с небольшим.

Я не помню других, точнее, я помню, что прежде они были, эти посещения и эти знаки, но я их не фиксировал во времени и пространстве. В отличие от ночного полета и освобождения от груза и границ материи ночью на нарах в военном лагере.

Не очень ясно, отчего я вспомнил только теперь об этом откровении, и, наконец, артикулировал и записал спустя почти четверть века. Хотя, конечно, у меня всегда живет в сознании, в душе, – да, да, именно, в душе, – это ощущение свободы от материи и пространства, ощущение всеохватности и надвременности, сквозьмирности. Когда прошлое, настоящее и будущее сливаются в единое целое.

Кстати, единство времени, которое свойственно и находится исключительно в ведении Бога, может быть это и есть свидетельство и подтверждение действия и дуновения, именно, Св. Духа, божественного дуновения, той летней ночью, в мою душу?! С целью? Знаю. Укрепить меня.

Ибо без Бога изнываю я. Господи! приди ко мне, я изнываю без Тебя.

Чудо

Сегодня опять после обеда плохо, тяжело, внутренняя нетерпимость, ни читать, ни писать, ни ходить, жить трудно. Нет выхода. Отсутствие выхода. Силы есть только на то, чтобы лежать. И молиться.

К вечеру, то есть к вечеру 23 октября 2002 года, выяснилось, что в Москве, в 21.05, на представлении мюзикла «Норд-Ост», в театральном центре на Дубровской улице, на юго-востоке Москвы, захвачен весь зрительный зал, более восьмисот зрителей и актеров.

Это чеченские террористы, около полусотни мужчин и женщин, которые требуют остановить войну в Чечне.

Чеченцы – это как, в свое время, большевики для России, только злее и безжалостнее, примитивнее, да в меньшем масштабе. Впрочем, большевиков в самом начале их кровавой карьеры было еще меньше, чем сейчас чеченцев, но большевики быстро обросли шелупонью, поскольку окорот на них не был тогда найден. Так бы случилось и с чеченцами, массы народные перешли бы постепенно на их сторону, стали бы приспосабливаться, да вот окорот на чеченцев как будто бы сладился.

Бедные чеченцы, их даже жалко. Ведь свобода Чечни, как и ее несвобода, западный мир вовсе не волнует. Чечня интересует Запад лишь потому и настолько, насколько Запад интересуется ослабление и распад России. То есть, мятежная Чечня нужна Западу, как инструмент, как фактор торможения и ослабления России. Ибо западный мир всегда заинтересован в слабой России, в России, которой можно диктовать, которой можно управлять, и от нее всего требовать, ничего не суля взамен. Все громогласные обратные уверения лишь подтверждают это правило, этот закон. Ибо западный мир был и остается врагом России, концептуальным, сущностным. Это никак не сопряжено с формой государственного правления. Так было во времена русских княжеств, русской монархии, затем российской империи, советской власти, и теперь президентской республики. Всегда в моменты ослабления России Запад пытался военными или иными способами сделать Россию еще слабее. А в моменты русской силы Запад всячески использовал Россию в своих интересах. Ибо не прекращается борьба восточного и западного христианства, явная и неявная борьба православия с католичеством и протестантизмом. А Россия на протяжении более шести столетий – оплот православия.

Потому чеченская нация – лишь заложник, лишь один из факторов борьбы Запада против России, в более чем полуторатысячелетней борьбе двух систем, двух миров, западного и восточного христианства. Чеченцев надули, жестоко и цинично. И произошло это по причине необразованности и самонадеянности, детскости, наивности и романтизма, грубости и юношеского национального максимализма чеченцев.

Впрочем, нет, чеченцев не жалко. Как и большевиков, и тех, кто сознательно к ним примкнул, тех, которые стали палачами и душегубами русского народа на день, годы или десятилетия. Чеченский народ почти уже превратился в народ душегубов и палачей, точнее почти подчинился душегубам и палачам. Как же можно жалеть такой народ, который продолжает жить давно минувшими категориями языческой конструкции мира, с его основополагающим элементом существования – кровной мезтью. Нет и не может быть никакого мессиянства в народе столь далеком от Бога!

Может быть я предчувствовал это событие. Во второй половине сегодняшнего дня я почувствовал дикое внутреннее напряжение, которое меня не покидало примерно до 19.30, после чего мне стало так плохо, что я был вынужден лечь, и в состоянии забытья находился до 21.00. После чего очнулся и встал. Легче не стало. Но было ощущение чего-то уже совершившегося.

Так и вышло.

Точно такое же предощущение локальной трагедии у меня было перед выкидышем у жены в 1999 году, тогда точно также я свалился в изнеможении, и весь день не мог встать, и ничего не мог поделать с этим чувством внутренней нетерпимости и невозможности познать будущую боль.

Про такую чудовищную трагедию я рассказываю не затем, чтобы подчеркнуть свою прозорливость и болезненную чуткость, в чем лучше бы усомниться, а токмо доказательства ради Божиего участия и чуда Божией благодати, что случились в те октябрьские дни в Москве.

Вот как это было.

Утром 24 октября, в четверг, на следующий день после захвата заложников, я уехал на службу в храм Космы и Дамиана в Шубине со словами, – «Мы их молитвой возьмем».

После литургии мой духовный отец Иоанн (Власов) отслужил молебен о благополучном разрешении ситуации с московскими заложниками и о победе над врагом.

В храме было немного людей, но когда мы грохнулись на колени, слезы полились из всех глаз.

В молебне есть просьба о том, чтобы супостаты наши обьяты были оцепенением и страхом.

Так и вышло во время захвата, между пять и шестью часами утра 26 октября 2002 года, когда многие террористы не успели даже встать, будучи застрелены на месте. Освобождено более 750 заложников, 67 заложников погибли (в результате газовой атаки), убито 34 террориста, ранены несколько спецназовцев; в течение последующих двух суток в больницах умерт еще примерно столько бывших заложников, сколько в первые минуты захвата. В здании театрального центра «Норд-Ост» найдено и обезврежено 30 взрывных устройств, ни одно из которых террористам не удалось привести в действие. Большинство даже не успели взяться за оружие.

Спецоперация проведена эффективно, хотя и вынуждено.

??? Это день национального торжества России. Это не праздник, праздник на крови невозможен. Но закончились годы унижения великой многомиллионной страны ??? со стороны ничтожной, патологически трусливой, беспредельно наглой и нечеловечески жестокой чеченской нации.

Национальная гордость России уязвлена, страна и народ унижены были до основания летом 1995 года, когда распоряжением тогдашнего российского премьер-министра Володьки Черная морда, выпущены на волю террористы во главе с Басаевым, захватившие районную больницу в городе Буденновске, где вместе с роженицами, больными и мирными жителями в заложниках оказалось до полутора тысяч человек.

Вот теперь Россия встала с колен. Вновь Россию во всем мире начнут побаиваться и потому уважать. Увы, мир понимает только язык силы. Неважна природа силы – деньги, оружие, характер, интеллект.

Будущее моих детей обеспечено по крайней мере на какое-то время.

Полдня по всем каналам крутят одни и те же кадры. Тела бандитов в зале, фойе театрального центра, в крови, с разбитыми лицами и раздробленными телами. Это необходимо, это обращено к самым глубинам человеческой психологии, это удовлетворение природной потребности человеческих существ видеть поверженных врагов, уничтоженных врагов, убитых врагов. Это нужно не только для успокоения, но и для удовлетворения чувства национального торжества. Почти ритуал, который надо совершить, чтобы десятки миллионов русских людей пережили вновь и вновь всепоглощающее чувство торжества и всеохватное чувство гражданского удовлетворения.

Это настоящее чудо, о чем свидетельствуют и очевидцы, заложники, которые рассказывают, что даже в момент нападения чеченские суки-смертницы со взрывчаткой на поясах, не чувствовали опасности, были как бы в оцепенении и растерянности. По молитве нашей врагам нашим и воздалось. Чудо произошло. Ибо усыпляющий газ подействовал не тотчас, у террористок оставалось время взорвать взрывные устройства на поясах и в зале. Наши молитвы услышаны.

Молитва каждого человека услышана Господом нашим, каждая искренняя молитва. Ибо Христова Церковь защищает свободу духовного выбора человека Бога от всякого насилия, будь то человеческое насилие, государственное, сатанинское, системное и разовое, случайное и намеренное, обретенное и наследованное, от всего, что лишает человека выбора, ибо все, что Богово, все имеет выбор. Ибо всякое событие, и даже государство, как концеп-

туальное событие, Богу важно и безразлично; все Богу безразлично и потребно, все, что мешает или способствует спасению одной души человеческой, все отрицаемо или собираемо Богом, но все это Бог может и отринуть, и обрести, по Ему одному ведомым причинам и обстоятельствам. И тогда происходит чудо, необъяснимое и неведомое.

Чудо есть. Большая ошибка относиться к чуду, как к само собой разумеющемуся событию. Чудо – это всегда ожидание благодати. Благодать приходит по вере, но не по расчету. Кстати, все святые технологии построены не на расчете и прогнозе, но лишь на вере и благодати, что составляет сердцевину чуда в жизни.

Причем право на чудо дается только человеку богоудуховенному и ортодоксальному. Стало быть 23–26 октября 2002 года в России и мире, среди христиан, молящихся о нашей победе над безжалостным врагом, оказались и такие.

Христианин

Трудно пробиться к православию. Ничего не получается. Не получается стать ортодоксальным христианином.

Тяжело отказаться от прежнего образа жизни, главное – мыслей, реакций и чувствований. Еще тяжелее обрести новый образ жизни, новые мысли, новые реакции и чувства. Но еще тяжелее теоретические представления о православном образе жизни превратить в собственную жизнь.

И совершенно непонятно, как совмещать светские цели с православными. Точнее: как на светские цели наложить православную конструкцию мотивировок, аргументаций, устремлений. Да так, чтобы ни одна из составляющих не пострадала. Не знаю. Да и возможно ли это.

Утвердительно я пришел однажды в христианство, в Русскую православную церковь, чтобы спастись. Потому что мой внутренний мир перестал быть цельным, собственно, этот мир прекратил существование, а вслед за тем и внешний мир рушился. Я во всем начал сомневаться, всего бояться, всякого вздоха и взгляда, всего внешнего мира, окружающего меня. Я стал бояться сделать не так, сказать не то и не о том, принять не то решение.

Инстинктивно я предпринял тот переломный шаг. Тогда еще неосознанно решив отказаться от прежней эгоцентрической конструкции мира, в центре которой – человеческая личность, человеческие преимущества, человеческие мнения, человеческие устремления, человеческие желания, то есть всегда личное – «я», или, что может быть точнее, – личное «alter ego».

Я решил, – тогда еще не сознавая этого, – влиться в христианскую конструкцию мира, в которой я полагал, есть для меня место, есть для меня цели, есть мои рассуждения, есть мой интерес, есть мои задачи, есть моя мотивация, данная мне Богом.

Отказываясь, поначалу неосознанно, от личностной конструкции мира, я принялся постигать сверхличностную конструкцию мира, в которой мой личный человеческий ум, мои человеческие страсти, мои человеческие рассуждения и нестроения – переместились бы из центра мира на одну из орбит.

Печальный результат: я христианином не чувствую себя даже сейчас, хотя от моего крещения минуло четверть века, из которых более половины срока пришлось на бытовое и вялотекущее православие, и лишь последние пять лет на осознанное воцерковление и воссоединение с христианской православной Церковью.

Увы, стремления мои втуне. Я оказался в недоумении перед жизнью. Я устал от отсутствия результата. Ощущение, что нигде и ничего у меня не получается всерьез, глубоко, единственно, так, чтобы привнести в жизнь человеческую новое качество. Все напрасно?

Зачем живу, думал я, если нет у меня результата, которого до меня не было у людей, на земле?! Не понимаю.

Может быть, это воздаяние за утилитарное использование всего самого дорогого, – в намерениях, отношениях, словах, – в качестве средства обогащения материального и нематериального. Или просто закончилась инерционная программа жизни.

Всю жизнь пытался справиться со своим трусом в сердце – стал еще больше бояться людей, ситуаций, жизни. Я даже не научился драться. Не научился давать сдачу. Ни метафизически, ни физически. Точнее, я боюсь давать сдачи, ибо боюсь прибить. Ибо так и не нашел меры силы, не определил и меры пути. Я в полном раздрае. Сердце, ум и душа наполнились хламом и ничтожеством. Я ничего не умею, ничему не научился. Слаб, сер и мал.

Я сделался трусом, нерешительным и сомневающимся во всем человеком, бессильным и ничтожным, слабым и нудным, не умеющим противостоять насилию, агрессии и хамству, лжи, оговорам и зависти. И не от брезгливости, но от страха за себя, а не из страха за людей и мир.

Я развил в себе самый страшный порок – страх за себя, страх перед болью, я развил в себе душевную лень, что обернулось душевной анемией, равнодушием к человеческим страданиям, безразличием и сердечной узостью. Прежде я делал все, чтобы эти страхи преодолеть, и вот я оказался под их гнетом. И почти сломался. Если не сломался, то сильно поколебался.

Затянувшееся глупое уныние и глубокое сомнение в собственных возможностях, на которые наложились корежащие тело болезни.

Кажется, это еще и кризис мужского среднего возраста. Кризис, сопровождаемый полным спокойствием. Спокойствие полного ничтожества. Отсутствие всякой полноты знаний о своем будущем и о своем настоящем. Психология щепки, настроение щепки. Нет никаких надежд. Ничто мне не помогает. Ноль. Не далось, не открылось, не потянул. За душой ничего ни в духовном, ни в материальном смысле. Пропал интерес к жизни. Пропал не то чтобы вкус к жизни, пропал кураж к жизни.

Причина тому, возможно проста, хотя и трагична. Все долгие годы, считаясь перед собой и людьми христианином, я жил по правилам и принципам, которые я вынес из дохристианской жизни, и которые, как я понимаю теперь, я не сумел, или не захотел преодолеть, стало быть не сумел или не захотел преодолеть зависимости от целей и задач, обусловленных дохристианским миром, который предлагал и предлагает, точнее, содержал и содержит в себе все необходимые значения и достижения, ориентируясь на которые я прежде строил свою жизнь.

Но я хочу продвинуться к Богу. Не знаю как. Я не слышу Бога, не вкушаю Св. Духа, не умею молиться, не умею сосредотачиваться на молитве. Порой единственное, что меня привязывало и удерживало в поле православной Церкви, – потребность ощущения и благодати Св. Духа. Эта потребность снисходила обычно в момент глубокого раскаяния и в момент исповеди и причастия.

Разумеется, никуда потребность в Святой благодати не исчезала, и со временем, и когда я только начинал учиться христианским технологиям устройства внутренней и внешней жизни, и когда христианские технологии вошли в мою жизнь и мысли, или когда уныние обуревало душу.

То есть это даже хорошо, что я переживаю глубочайшее уныние, усугубляемое сомнением в собственных силах и возможностях. Может быть только теперь я окончательно оставляю глупые притязания на самодостаточность и великие человеческие возможности. Ведь нет и не будет у человека ни того и ни другого.

Это при том, что свой долг перед людьми я выполняю по мере сил.

Если мне будут даны еще дети, я лишь низко поклонюсь и возьму, и возблагодарю, но уже сейчас я состоялся как человек, я продолжил род – у меня четверо детей; к сорока годам я сделал впечатляющую профессиональную карьеру – пройдя все ступени журналистской работы, карьерной – от репортера, до начальника одного из четырех основных информационных агентств страны, и публицистической – мои расследованиями и репортажами засматривались, зачитывались и заслушивались тысячи и миллионы, меня узнавали на улице, я был типизирован; я даже ухитрился некоторый промежуток жизни зарабатывать значительные деньги, сумев приобрести квартиру; да, лишь к сорока пяти годам я выпустил первую свою книжку, но это была поэтическая книжка, как известно, именно поэзия должна быть в основании любого большого литературного явления/труда, – а иначе я свои занятия литературой не оцениваю и не оценивал, – и уже к сорока шести издана книга с моими поэтическими переводами классика мировой литературы, к сорока семи издается мой первый роман, а планов еще больше.

Я послужил и служу людям. Но мне не достает именно ощущения постоянного духовного развития, нет достаточной внутренней динамики духовного развития.

Возможно, сие и означает, что моя эгоцентрическая конструкция мира исчерпана, приказала долго жить. Как я понимаю, эгоцентрическая конструкция мира – это, собственно, конструкция мира, данная мне от рождения, данная атеистической, – читай: языческой, системой жизни, – и привнесенная мною в христианскую жизнь. Возможно, до сих пор, по настоящее время, все свои жизненные ожидания, устремления и достижения, может быть даже веру, я основывал на приемах, принципах, основаниях, заимствованных из арсенала именно языческого мира, языческого сердца и языческого рассудка.

Языческий человек отличается от христианского человека тем, что языческий человек приобретает все более и более, лишь углубляясь в себя. Человек – в центре языческой конструкции.

Но оказалось, что недостаточно преодолеть в себе языческого человека. Поскольку человеческая история Святого обожения знает уже три этапа – языческий, ветхозаветный, христианский. Выйдя из язычества, поневоле облачаешься в мундир ветхозаветного человека, и вновь христианский человек маячит впереди недостижимой и независимой целью. Вновь жжение душевное и тоска по духовному развитию.

Значит удовлетворить сие можно на следующем изломе, на изломе двух конструкций мира – ветхозаветной и христианской. Отличие христианской конструкции мира от ветхозаветной конструкции мира, на первый, неискушенный взгляд, неочевидное, ибо кто бы из христиан спорил, что в центре всего – Бог.

Но в центре ветхозаветной конструкции мира – един Бог. Ветхозаветный человек приобретает все более, углубляясь в Бога.

Тогда как христианский человек приобретает все более и более, углубляясь во Христа. В центре христианской конструкции мира единый Бог, представляемый Св. Троицей, которая осознаваема лишь с того близкого расстояния, на которое человека подвел за руку Иисус Христос, и на котором не могут находиться иудеи, оставшись в ветхозаветном измерении мира, на расстоянии, определенным Моисеем, Иаковым, Исааком, Авраамом.

Впрочем, это очень близкое расстояние. Ветхозаветные евреи подошли на очень близкое расстояние к Богу, Иаков даже соприкасался с Богом (примерно в 1700 г. до Р. Х.), ночью, на берегу реки, в результате чего народ израильский получил право на физическое спасение на Земле, на выживание в борьбе с другими народами. Вот как это случилось: «И остался Иаков один. И боролся Некто с ним, до появления зари; и увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал: отпусти Меня; ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а

Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя». – Бытие, 32. 24–30.

Но ветхозаветный человек не способен пребывать на расстоянии, на котором по определению находится христианин! Народ христианский, всякий христианин, встретившись со Христом, уверовавши во Христа, пострадавши за Христа, подойдя к Богу на новозаветное расстояние, – в лице апостолов, плоть от плоти израильского народа, и многочисленных мучеников первохристиан, – получил право на вечное спасение, на выживание в сражении с легионом темных сил.

Вот где открывается новое развитие, продолжающий мою жизнь путь. Вот теперь я знаю в себе устойчивое стремление стать христианином, а не токмо верующим в Бога.

Я внял, что не акцентируюсь на Христе, а просто на вере в Бога, я остановился в вере на полпути от язычества, а на полпути от язычества к христианству – ветхозаветная эпоха, то есть перешагнув в единобожие из язычества, я остался в ветхозаветном измерении.

Голова моя застряла в ветхозаветной эпохе, а тело, обрамленное сердцем, в язычестве; мысли сделались ветхозаветными, а действия остались языческими; лишь намерения души моей удержали меня в поле христианских устремлений.

Что немудрено. Как устоять перед необоримым обоянием неотразимых праотцев, праведных судей, магических пророков и величественных царей?! Это почти невозможно человеку. Только христианину. И апостолам это трудно было, и первохристианам, я полагаю, и всем святым. Лишь благодатью Иисуса Христа возможно преодоление ветхозаветного человека. Благодатью, открывающей новую истину на пути к Богу. На тот момент, в мире человеческом, не было ничего более прекрасного и совершенного, что могло бы сравниться с иудейством, с ветхозаветным устройством и укладом жизни. Чтобы отказаться от ветхозаветного уклада жизни надо было иметь перед собой нечто более значительное и убедительное, и совершенное. При том, что иудаизм, ветхозаветное устройство жизни – это было любимое детище Господа на земле. От созданного Богом отказаться можно только в пользу Бога. Так и произошло. Апостолы пошли за своим Христом, за Сыном Божиим, за Господом. Это логично. Обояние ветхозаветного человека было перебито обоянием Божественным.

И это соображение – есть самое сильное свидетельство в истине и правомочности христианства.

И вот теперь, чтобы воспользоваться новыми возможностями, чтобы воспринять благодать и обрести новую истину, то есть, чтобы продвинуться к Богу, чтобы подойти к Богу на христианскую дистанцию, чтобы находиться на такой близкой от Бога дистанции, надо отдать долг, надо послужить Господу нашему Иисусу Христу. Что вовсе нелегко, как выясняется со временем. Все верующие верят в Бога. Но этого недостаточно для новозаветного человека, для христианина. Верить просто в Бога, значит, оставаться ветхозаветным человеком. Оставаться ветхозаветным человеком, значит, отказываться от Христа, а, отказываясь от Христа, люди становятся убийцами, люди убивают Христа, Христос оказывается распятым всякий раз, когда очередной человек отказывается от Христа и отрицает Христа, и тогда вновь Христос оказывается распятым на кресте, в который превращается сердце человека.

Надо в Христа верить. Я внял, что устремления и вера мои – это вера в Бога с дистанции Христа, это – вера в Бога верою во Христа, скрепляемая Св. Духом.

Ведь это может быть просто смыслом жизни, молиться Христу, верить во Христа, жить согласно установлениям и устремлениям, и в соответствии со смирением, налагаемым Христом.

Это и трудно и легко. Быть в Церкви и во Христе, оставаться с Церковью и Христом, видеть и находить цель в Церкви и Христе.

Эти вопросы доставляют и радость, – оттого, что они возникли в нашей смертной и очевидной душе, – и страдание, оттого, что мы всякий раз сомневаемся, и не знаем, как отличить собственные фантазии и импульсы от обращенного к нам голоса Христа.

Да, пробиться к православию трудно. Но надо, потому что мне очень хорошо известно – от кого и от чего я бегу.

Это случилось 25 июня 1992 года. В этот день я почувствовал физически, материально, будто бы некто жестокий и бескомпромиссный, холодный и жадный, безжалостный и враждебный, встал за моей спиной. Я почувствовал присутствие жесткой недружественной структуры материального свойства, которая изучала меня, как бы спрашивая себя: Что с ним сделать?

Как же я отреагировал? Сдался без промедления. 1 июля того же года, вот что я записал в своем дневнике: «Эта структура энергетической природы, она – логична, умна, расчетлива, – она воплощенный анализ. Она – мое развитое второе „я“. Свершился качественный переворот. Я – иной, хотя внешне, чувственно, эмоционально, я тот же. Я имею новое качество ума. Я – гений факта».

Известно, что сильная, экстраординарная воля затмевает не только разум, но и сердце, и душу, и человек становится невосприимчив дуновению Св. Духа. Тогда человек может совершить трагическую ошибку, принять за откровение небес, которое часто горестно и погружает человека в страдание, сатанинское наваждение.

Так я переродился. С того момента начался новый период – невероятных душевных страданий, человеческой подлости, предательства и скотства, что для меня одновременно было нормальным и естественным состоянием, адекватным моему внутреннему настрою.

Ужасно то, что я по сию пору не знаю, как и когда я вышел из того состояния, и вышел ли.

Потому, конечно, я боюсь себя, боюсь своей человеческой природы и натуры, боюсь. Потому стремлюсь ко Христу, хочу отдать себя Христу, дабы Бог защитил меня Своей волей, Своим умом, Своей силой.

Вот уже кажется, что Господь подает мне знаки Своего расположения ко мне, будто Он приходит ко мне на помощь, и берет на сохранность и под Свою опеку мою душу, направляя мои мысли, мои чувства и успокаивая мою волю, и даже поддерживая меня во внешней жизни.

Это так неожиданно, и приходит Божеская опека в мою жизнь безо всяких предварительных оглашений, неожиданно и сразу же естественно. Не верится будто, и будто сразу привычно, и не верится, то ли это, чего ты ждал. Чувство огромной и всепокоряющей благодарности к Богу переполняет ум и сердце. Но тут же встает и обеспокоенность – как бы не потерять эту благодать, как бы не выпасть на ходу из объятий Бога. Ведь скорость по направлению к Богу должна быть сумасшедшая, надчеловеческая, хотя и не видная, и не постигаемая человеком изнутри скорости.

На этом пути не забыть бы лозунг христианина, православного человека – все человеческое, отдаляющее человека от Бога, чуждо человеку. Без исключения. Момент предания себя, своей жизни Господу состоит в равнодушном и одинаковом принятии радости и печали. Но в благодарности одинаковой за печаль и радость. Тем паче, что заботимся мы о душе, и исповедуем душу на исповеди, а тело мы не исповедуем. Но лишь помним, что тело – сосуд, который мы стараемся не разбить.

Тело – поле битвы князя воздуха против Бога. Но и способ защиты, и поражения. Мои болезни 2002 года: разрыв пищевода, сопровождаемый огромной кровопотерей и образовавшаяся сердечная аритмия, – это обстоятельства двойного назначения; они и отдаляют меня от Бога, – я перестал поститься, – и приближают меня к Богу, ибо, ослабляя тело, умерщвляют гордыню.

Но и этого недостаточно.

Это же так просто. Как Авраам повел Исаака на гору Мориа, чтобы отдать сына своего в жертву Богу, так и мы должны жертвовать самым дорогим, что у нас есть, то есть собой, своим здоровьем, своими страстями и желаниями, своей жизнью, доверяясь Богу, и вести себя так и туда, куда и как Он ведет нас.

Так открой же, Господи, путь мой, куда мне идти, укажи мне путь к горе Мориа.

Пока я в потьмах, сердце сжимает тоска.

Чтобы не оставаться в потьмах, чтобы не блудить, надо оставить попечение обо всем, а прежде всего о себе.

Ибо – я христианин.

Упование

Долгие годы я неосознанно следовал правилу: нечеловеческие результаты достигаются нечеловеческими усилиями. Это было инстинктивное движение к Богу. Ибо достигнуть Бога можно только нечеловеческими, надчеловеческими усилиями, то есть опираясь на помощь Бога, отстраняясь с Ним от человеческих усилий. То есть, нужны надчеловеческие усилия, чтобы справиться с человеческим устройством, чтобы возобладать над собой, над тлением.

Но оказалось, что уничтожение человеческого своего мира, основанного на внешних обстоятельствах, не сопряжено с обязательной его заменой божественным миром.

Так я подвис, оказавшись между человеческой и божественной мотивациями, человеческим и божественным устройствами. Это очень тяжело. Это оказалось невыносимо и мучительно. Но не за себя. За близких и детей. Тяжелее всего мысль о том, что междутемье затянулось по моей вине, точнее, от моей самонадеянности.

Божественный мир отличается от человеческого прежде всего тем, что он лишен человеческой аргументации, лишен действий и решений, объясняемых и постигаемых человеческим инструментарием.

Моя глупость и недостаточность состояли в том, что я с мерками человеческими вошел в мир божественный. Я стал чего-то ждать от мира божественного.

Не осознавая, что равновесие и взаимовлияние, и взаимоотдача просчитываются и различимы на уровне последствий и взаимозачетов, и оплаты, а также достижений лишь в человеческом мире. Там эти принципы и остались.

Я не внял тому, что сумма внутренних событий обратно пропорциональна сумме событий внешних. Чем больше и чаще тех и других, тем меньше противоположных.

Я не сообразил, что нельзя с человеческими принципами входить в мир божественного устройства, который устроен по принципам, понимание которых недостижимо для человека. Войдя в божественный мир, я могу лишь жить в этом мире, уповая на постижение и стяжание Св. Духа, но никак не ожидая оплаты своих трудов и отдачи от своих усилий и вложений человеческих сил. Потому как один из принципов божественного мира – отсутствие справедливости в человеческом масштабе времени, отсутствие логических и эмоциональных оснований, которые суть основа человеческого мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.